

Глава 19

О ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ

1. Вопросы систематизации категории докапиталистических способов производства

Экономическая теория доиндустриальных обществ прошла в послевоенный период несколько этапов развития.

В 50 — 80-х годах были опубликованы монографические исследования, посвященные отдельным вопросам политической экономии докапиталистических формаций (основному экономическому закону, собственности, товарно-денежным отношениям и др.): Г.А. Козлова "Первые ступени в развитии товарного производства" (М., 1957); М.В. Колганова "Собственность* Докапиталистические формации" (М., 1962); Ф.Я. Полянского "Товарное производство в условиях феодализма" (М., 1980), "Вопросы политической экономии феодализма в трудах классиков марксизма-ленинизма" (М., 1983); А.М. Румянцева "Возникновение и развитие первобытного способа производства" (1 изд. М., 1981—1985; 2 изд. — "Первобытный способ производства". М., 1987)*.

Основной экономический закон рабовладельческого строя трактовался как соотношение "цели" и "средств". Целью рабовладельческого производства периода его расцвета было, по мнению исследователей, производство прибавочного продукта не только для удовлетворения потребностей рабовладельцев, но и для накопления богатства. Главным средством достижения этой цели в рамках рабовладельческого уклада являлась эксплуатация рабов. "В отличие от действительной стоимости средств производства,— пишет Г.А. Козлов — "стоимость" раба не переносилась на вновь созданный продукт, она была чем-то отличным и от издержек на содержание раба. Она должна была возмещаться за счет прибавочного продукта, созданного рабом"¹. Р.М. Нуреевым был предложен критерий эффективности производства в рамках рабовладельческого уклада[▲].

В земледелии к затратам на приобретение рабов прибавлялись нередко и затраты на покупку земли, поэтому эффективность рабовладельческих вилл была, как правило, заметно ниже, чем эффективность эргастериев. А.И. Тюменев, исходя из данных Франкота, считал, что средний доход с рабской мастерской достигал 15—24%, тогда как доходность земли составляла 8, а ссудного капитала — 12—16%³.

Следует учесть, что крупные римские экономисты (Катон, Варрон, Колумелла), на труды которых опирались исследователи, отразили в своих произведениях передовую для того времени практику ведения интенсивного ("идеального") хозяйства. В реальной действительности наряду с такими образцовыми виллами существовали и более примитивные экстенсивные хозяйства, которые носили преимущественно натуральный характер. Их целью было производство всего необходимого внутри хозяйства, идеалом — полная самообеспеченность. "Эффект от простой кооперации там, где она имела место,— справедливо отмечает М.Н. Мейман,— не мог перекрыть отрицательных свойств рабского труда". Анализ рабовладельческой системы хозяйства позволил М.Н. Мейману сделать вывод о том, что "мелкое хозяйство, обрабатываемое личным трудом его собственника при помощи двух-трех рабов, экономически эффективнее рабовладельческой латифундии с ее

* Известна диссертация И.Б. Блиндера "К вопросу об основном экономическом законе рабовладельческого строя**" (М., 1961).

▲ Критерий можно выразить в современных обозначениях следующим образом:

$$\text{Э}_p = (Q - C - (P/t) * N) / C = (M - (P/t) * N) / C$$

Q — произведенный продукт,

C — издержки производства, включая затраты на содержание рабов, амортизацию зданий и сооружений,

P — цена рабов,

t — среднее число лет жизни раба в трудоспособном возрасте,

N — количество рабов в хозяйстве рабовладельца,

M — прибавочный продукт.

толпами лишенных стимула рабов"⁴.

Первоначально, в 50 — 60-х годах, теория доиндустриальных обществ испытывала на себе сильное влияние со стороны политической экономии социализма. В частности, под влиянием экономической дискуссии 1951 г. на страницах журнала "Вопросы истории" в 1953—1954 гг. прошла дискуссия об основном экономическом законе феодализма⁵, имевшая определенное значение для понимания политической экономии не только феодализма, но и других докапиталистических формаций. Итоги ее отразились как в учебнике "Политическая экономия", изданном Институтом экономики АН СССР (М., 1954), так и в "Очерке политической экономии феодализма" Б.Ф. Поршнева (М., 1956) и лекции "Феодальный способ производства" (М., 1957) Ф.Я. Полянского.

В монографии Б.Ф. Поршнева была предпринята попытка развернутой систематизации категорий и законов феодализма исходя из понятия "собственность на средства производства". В частности, в главе 1 анализировались признаки феодальной собственности (феодальная собственность на землю, работника, движимое богатство) и собственность работников на средства производства. В главе 2 рассматривалась феодальная рента как реализация феодальной собственности, ее формы, особенности воспроизводства и присвоения в рамках феодального поместья. В главе 3 исследовалось натуральное и товарно-денежное хозяйство при феодализме. Позднее этот очерк был включен в монографию Б.Ф. Поршнева "Феодализм и народные массы" (М., 1964) в качестве первой части. Книга Б.Ф. Поршнева имела значение для развития политической экономии феодализма, в то же время в литературе отмечались ее недостатки. "Вместо того чтобы показать особый способ соединения при феодализме непосредственного производителя со средствами производства (чем характеризуется различие между общественными формациями),— писал Ф. Морозов в рецензии на книгу,— автор уводит читателя в сторону, в сферу правовых и политических отношений... Элементы правовой концепции производственных отношений феодализма выступают в книге наиболее рельефно тогда, когда автор пользуется понятием "неполная собственность на работника производства—крепостного"⁶.

Оставила след и лекция Ф.Я. Полянского, основные моменты которой были изложены во втором издании Большой и третьем издании Малой советской энциклопедии. В работах Ф.Я. Полянского нашло отражение новое понимание путей возникновения феодализма. "Как указывал В.И. Ленин в лекции "О государстве",— писал Ф.Я. Полянский,— все народы прошли в той или иной мере через рабство. Но отсюда не следует, что история всех стран знала господство рабской формации. Экспансия даже античного рабства оказалась весьма ограниченной, несмотря на бесконечные войны Рима. Оно не смогло достигнуть такого универсального господства, как феодализм, и такого широкого распространения, как позднее капитализм"⁷.

Автор выделял три варианта генезиса феодализма: в условиях античного рабства, первобытной общины и Древнего Востока. Хотя "азиатский способ производства" не был обозначен, фактически Ф.Я. Полянский наметил основные пути становления феодализма: на базе, разложения первобытнообщинного, азиатского или рабовладельческого строя. В работе выяснялись экономические преимущества феодального поместья по сравнению с рабовладельческой латифундией и свободной общиной, давалась характеристика основного закона и основного противоречия феодализма, а также особенностей действия закона стоимости в условиях феодальной формации. В лекции Ф.Я. Полянского, как и в целом ряде других его работ, всячески подчеркивалась экономическая роль феодального поместья и барщины в развитии феодализма. Поместье трактовалось как разновидность крупного производства. Заслугой автора была постановка вопроса о противоречиях феодальной системы хозяйства, хотя противоречия трактовались главным образом негативно⁸.

Эти работы вносили определенный вклад в обобщение накопленного фактического материала и систематизацию сложившихся представлений по проблемам экономики докапиталистических формаций, хотя в методологическом и теоретическом плане они принадлежали предыдущему периоду. Это можно сказать и в адрес монографии М.В.

Колганова, в которой проблема качественных этапов в развитии производительных сил той эпохи не была поставлена, а собственность трактовалась как отдельное отношение способа производства, определяющее все остальное. М.В. Колганов пытался провести различие между фактически действующими волевыми, юридическими отношениями пользования, владения и полной собственности и законодательно оформленными юридическими отношениями пользования, владения и собственности. Первые он отождествлял с производственными отношениями⁹. Пытаясь раскрыть исторический характер отношений собственности, он по существу приходил к выводу о том, что основу докапиталистических формаций составляют отношения пользования и владения, а собственность формируется лишь в той мере, в какой развивается движимое богатство.

Авторы двухтомного "Курса политической экономии" под ред. Н.А. Цаголова (1 изд., 1963; 2 изд., 1970; 3 изд., 1973—1974) стремились применить метод "Капитала" К. Маркса к анализу не только социализма, но и докапиталистических формаций, последовательно раскрыть отношения собственности через систему производственных отношений. В самой системе была предпринята попытка восхождения от абстрактного к конкретному путем выделения исходного, основного и производных производственных отношений. К тому же направлению принадлежали работы Ю.М. Рачинского, вышедшие в 80-х годах¹⁰. Но эта логическая систематизация велась без достаточно полного учета итогов происходивших в советской исторической, экономической и философской литературе дискуссий, без обобщения накопившегося за последние десятилетия фактического материала. Произведения К. Маркса и Ф.Энгельса рассматривались не только как методологическое и теоретическое руководство к исследованиям, но зачастую и как источник фактического материала.

Политическая экономия при таком подходе все больше и больше отдалялась от современных исторических и философских исследований. Это приводило к тому, что методологическая роль политической экономии в развитии исторических исследований падала. Выход из создавшегося положения был возможен лишь на путях анализа, переработки и обобщения накопившегося фактического материала, развития на этой базе политической экономии докапиталистических формаций. Первоначально этим занялись историки, их работу продолжили и дополнили политэкономы.

2. От спора об азиатском способе производства к общеметодологической дискуссии по проблемам развития докапиталистических формаций

В центре внимания ученых сначала оказались производственные отношения, господствовавшие на древнем Востоке. Необходимость преодолеть схематизм в изучении обществ древности и средневековья, стремление обобщить накопленный фактический материал о древнем Востоке, доколониальной Африке и доколумбовой Америке — все это способствовало возобновлению дискуссии об азиатском способе производства.

Дискуссия началась с выступления в 1964 г. Е.С. Варги, публикации тезисов М. Годелье, Ж. Сюрэ-Канала и В.В. Струве¹¹, которые обращали внимание на противоречие между старым представлением о предмете, выработанным философами, политэкономом и историками еще в середине 30-х годов, и новыми данными исторической науки. В связи с этим старое представление, акцентирующее внимание на изучении лишь рабовладельческого уклада хозяйства в древневосточных, так называемых раннерабовладельческих государствах, оказалось неполным, т.е. не отражающим всего многообразия производственных отношений рассматриваемой эпохи. Большинство исследователей-марксистов (как отечественных: И.Л. Андреева, Е.С. Варга, Л.С. Васильев, Л.С. Га-маюнов, Ю.М. Гарушняц, Л.В. Данилова, В.И. Керимов, Г.С. Киселев, Р.И. Косолапов, Р.М. Нуреев, Д.Н. Платонов, В.Г. Попов, И.А. Стучевский, Н.Б. Тер-Акопян, так и зарубежных: М. Годелье, Э. Вельскопф, Д. Льянес, В. Рубен, Ж. Сюрэ-Каналь, Ф. Текеи, Ж. Шено и др.) пришли к выводу о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс признавали азиатский способ производства как закономерную ступень в естественноисторическом развитии человечества.

Если в 20 — 30-х годах ученые стремились, обосновывая существование азиатского способа производства, апеллировать к отношениям собственности, то в 60—80-х годах центе

тяжести переместился на отношения эксплуатации¹².

Сложность определения формы эксплуатации человека человеком в Древнем Египте, Шумере, Индии, Китае, доколониальной Тропической Африке давно уже вызывала полемику среди востоковедов и африканистов, а позднее и среди философов и экономистов. Здесь намечилось несколько направлений, среди которых с известной долей условности можно выделить три основных. Первое — определение древневосточных государств как рабовладельческих; второе — квалификация их в качестве феодальных, и третье — характеристика указанных государств как обществ азиатского способа производства.

Ряд современных ученых-марксистов считают, что на древнем Востоке, в доколониальной Африке и доколумбовой Америке существовал азиатский способ производства. Однако само понятие азиатского способа производства трактуется неоднозначно. Некоторые исследователи¹³ считают, что азиатский способ производства существовал в обществе переходного периода (от доклассового к классовому). Они выдвигают целый ряд признаков переходности (противоречивое соединение элементов первобытности и антагонистического общества, длительное сосуществование разных укладов и т.п.). Трактовка азиатского способа производства как переходного периода объясняется тем, что, с одной стороны, в древневосточном обществе сохраняются родимые пятна первобытнообщинного строя, существует община, в которой большую роль играет коллективный труд, слабо развито товарное производство, классовый антагонизм маскируется формой ренты-налога и "общественных работ", распространявшихся на всех членов общества и т.п.; с другой — восточное общество, несмотря на всю патриархальность отношений, утратило то главное, что отличает первобытнообщинный строй от всех антагонистических обществ, — отсутствие эксплуатации, классов и государства. Это характеризует двойственность азиатского способа производства, трудность его отнесения к первобытному или развитому классовому обществу.

Неудовлетворенность характеристикой азиатского строя лишь в качестве смешанного общества заставила сторонников этой точки зрения предпринять попытку положительной разработки системы категорий данного способа производства. Качественный скачок в этом направлении был связан с осмыслением этнографических исследований и прежде всего работ зарубежных ученых по культурной и политической антропологии, сторонников так называемого неозволюционизма: Э.Р. Сэрвиса, М.Х. Фрида, М.Д. Салинза и др.¹⁴

Результатом обобщения реального фактического материала и теоретического осмысления трудов зарубежных ученых стала концепция "государственного способа производства" (Л.С. Васильев, Г.С. Киселев) или "политаризма" (от греч. "политая" — государство) (Ю.И. Семенов)¹⁵. В обосновании государственного способа производства Л.С. Васильевым большую нагрузку несет категория "власть— собственность". "Власть— собственность, — пишет Л.С. Васильев, — это не собственность в политэкономическом и тем более юридическом смысле этого слова. Точнее, это больше власть, чем собственность, так как функции собственников здесь опосредованы причастностью к власти, к должности, но не к личности: по наследству может быть передана должность с ее правами и прерогативами, включая и собственность, но не собственность как исключительное право владения вне зависимости от должности"¹⁶. Различия между концепциями Ю.И. Семенова и Л.С. Васильева заключаются также в разной оценке социальной природы общества и государства: Ю.И. Семенов трактует азиатский способ производства как классово антагонистический, основанный на верховной частной собственности, тогда как Л.С. Васильев подчеркивает его доклассовый, сословный, дочастнособственнический характер¹⁷.

Эти сторонники концепции азиатского способа производства не только разрабатывают более или менее цельную теорию возникновения, развития и упадка древневосточных обществ, но и анализируют ее исторические варианты. Л.С. Васильев, в частности, иллюстрирует ее на материалах не только Древнего Китая, но также Древней Индии, Египта, Двуречья и древних государств Западной Азии. Однако акцент они ставят на анализе социально-политической, а не социально-экономической сферы общества, в силу чего

недостаточное внимание уделяют исследованию производительных сил и производственных отношений. Л.С. Васильев исходит из одинакового уровня развития производительных сил всех докапиталистических антагонистических обществ¹⁸. Поэтому по существу и новая модификация концепции азиатского способа производства рассматривает докапиталистические способы производства не как прогрессивные ступени эволюции человеческого общества, а как параллельно существовавшие в различных районах мира.

Ряд советских востоковедов (И.М. Дьяконов, Г.Ф. Ильин, М.А. Коростовцев и др.) развивали выдвинутую В.В. Струве концепцию о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Полемизируя со сторонниками концепции азиатского способа производства, они отрицали возможность применения к древневосточным странам сформулированного К.Марксом¹⁹ тезиса о существовании в Азии верховной собственности государства на землю, совпадении государственной собственности на землю и суверенитета, рентном характере взимаемых с населения налогов. Они считали, что эксплуатация общинников государством — это обыкновенный налог на трудящихся, присущий любому антагонистическому обществу.

Своеобразную роль в развитии современной дискуссии об азиатском способе производства сыграли монографии и статьи историографов Ю.В. Качановского, В.Н. Никифорова²⁰. Значение написанных ими книг заключалось не только в составлении библиографии дискуссии, стремлении учесть многочисленные высказывания по поводу социально-экономического строя, существовавшего на древнем и средневековом Востоке, в доколониальной Африке и доколумбовой Америке, но и в попытке систематизации этих взглядов в соответствии с теорией способа производства и общественно-экономической формации, т.е. по существу с точки зрения политической экономии и исторического материализма. В частности, Ю.В. Качановский критически рассматривал аргументы и защиту концепции азиатского способа производства по следующим основным направлениям: 1) уровень производительных сил, 2) формы собственности, 3) способы эксплуатации, 4) классы, 5) община, 6) государство, 7) положения классиков марксизма. Прделанный Ю.В. Качановским и В.Н. Никифоровым анализ показал не только разнородность критериев, с которыми подходили участники дискуссии к пониманию азиатского способа производства, но и неразработанность самого категориального аппарата науки о докапиталистических формациях. Критикуя другие точки зрения, историографы должны были сформулировать свои представления о рабстве и феодализме. К сожалению, предпринятые ими попытки уточнения категорий представляли собой не столько развитие теории соответствующих способов производства, сколько стремление к унификации и каталогизации представлений 50-х годов, т.е. тех самых представлений, с критики которых и начиналась дискуссия.

Неудовлетворенность традиционной трактовкой рабовладельческой формации, с одной стороны, и возражения против концепции азиатского способа производства — с другой, способствовали рождению гипотезы так называемого древнего общества, разработанной в статьях И.М. Дьяконова в 60-х годах и получившей реализацию в трехтомной "Истории древнего мира" (М., 1982). Политико-экономическая суть этой концепции состоит в том, что все общества, существовавшие в древности, подводятся под простую схему: признается наличие двух секторов — государственного и общинно-частного, все население делится на три категории — свободных полноправных, свободных неполноправных и рабов²¹. Нетрудно заметить, что под такую предельно общую характеристику можно подвести общества не только рабовладельческого, но и азиатского и феодального способов производства. Существование государственного и частного секторов, как и наличие наряду со свободными различными категориями зависимых, включая рабов, — общая черта всех докапиталистических антагонистических обществ.

Стремление максимально расширить черты рабовладельческой формы эксплуатации за счет включения в нее полуфеодальных форм зависимости (спартанская илотия и т.п.) или форм примитивного наемного труда (кармакары) объективно приводит к стиранию различий между рабовладельческой и феодальной формами эксплуатации. Таким образом, создаются

предпосылки для развития второго направления — признания феодализма в качестве единственной докапиталистической антагонистической формации. Дискуссия об азиатском способе производства переросла в общеметодологическую дискуссию о всех докапиталистических способах производства, о периодизации всемирно-исторического процесса в целом.

В ходе дискуссии о докапиталистических антагонистических формациях возникла концепция, отрицающая традиционно выделяемые ступени истории (рабство и феодализм) с противоположной стороны. Если сторонники азиатского способа производства пытаются дополнить привычную схему еще одним (третьим) способом производства, то представители этого направления вообще отрицают правомерность какого бы то ни было деления, считая, что существовала единая докапиталистическая антагонистическая формация.

В ходе дискуссии некоторые исследователи (Ю.М. Кобищанов, Е.М. Медведев и др.) заметили, что очень многие категории зависимого населения древневосточных государств эксплуатировались феодальными или полуфеодальными методами²². Они считали ренту-налог, уплачиваемую свободными общинниками, и выполняемые ими общественные работы (строительство ирригационных и оборонительных сооружений, храмов, дворцов, крепостей) соответственно продуктовой и отработочной рентой. Новое при этом заключалось не в раскрытии феодальной природы существовавших на Востоке форм эксплуатации (об этом применительно к средневековью писали и сторонники "восточного феодализма"), а в том, что сам феодализм стал распространяться на "древнее общество", т.е. трактоваться как единая докапиталистическая антагонистическая формация. Новое, таким образом, заключалось в отрицании рабовладельческого характера древневосточных (а у Ю.М. Кобищанова и античных) обществ и признании их обществами феодальными. Рабовладельческий способ производства низводился до уровня уклада, существовавшего в порах феодального общества — единой классовой докапиталистической формации.

Обоснование единой докапиталистической антагонистической формации в наибольшей мере дано в работах В.П. Илюшечкина²³, особенно в его монографии "Сословно-классовое общество в истории Китая". Сложившийся подход, по мнению В.П. Илюшечкина, исходит не из теории общественно-экономических формаций, а из деления истории на традиционные эпохи: древность — средние века — новое время (гл. 2); использует так называемый "эталонный" метод (гл. 3); опирается на "уровни" производительных сил (гл. 4); базируется на правовом подходе к производственным отношениям (гл. 5); нередко отождествляет общественные способы производства с технологическими (гл. 6); апеллирует больше к различиям, существовавшим между цивилизациями, чем между общественно-экономическими формациями (гл. 7); возводит эволюционные изменения в статус революционных, межформационных (гл. 8), т.е., по его мнению, представляет собой не научную теорию, а гипотетическую схему (гл. 1, 9).

В монографии имеется не только критика правового, но и попытка экономического подхода к анализу производственных отношений, т.е. раскрытия экономического содержания собственности через систему производственных отношений, при этом "основное производственное отношение" отождествляется с отношением собственности на средства производства²⁴. Экономический подход к анализу производственных отношений осуществлен на базе единственного признака (способа и характера соединения непосредственного производителя со средствами производства).

Автор делит все добуржуазные классовые общества на группы.

"1. Общества, в которых господствовала арендная эксплуатация...

2. Крепостнические общества...

3. Общества, в которых преобладали промежуточные между крепостничеством и арендой формы эксплуатации.

4. Рабовладельческие общества..."²⁵

Таким образом, В.П. Илюшечкин делит все добуржуазные классовые общества на две основные группы: 1) общества, в которых можно выделить ведущий уклад (аренда, рабство,

крепостничество), и 2) смешанные, или, точнее, переходные, общества (у автора в типологии выделен, правда, лишь один переход: аренда — крепостничество, однако схема позволяет предположить существование других вариантов: аренда — рабство и рабство — крепостничество). Сравнивая основные варианты обществ первой группы с концепцией основоположников марксизма о докапиталистических способах производства, нельзя не заметить их очевидную близость: аренда — азиатский способ производства²⁶, рабство — античный способ производства, крепостничество — феодализм.

Сравнение эффективности производства различных социальных систем возможно путем сопоставления показателей технико-экономической эффективности, в частности с помощью такого важнейшего из них, каким является производительность труда. В распоряжении исследователей имеются, как правило, разрозненные и не всегда надежные данные об урожайности зерновых культур — весьма относительном, хотя и важнейшем показателе развития производительных сил в земледелии, так как сельское хозяйство было ведущей отраслью материального производства в докапиталистическую эпоху. Р.М. Нуреев сформулировал "парадокс урожайности": урожайность зерновых в Древнем Египте II — I тыс. до н.э. составляла сам-12 — сам-20, в античной Италии периода расцвета Рима (II—I вв. до н.э.) — сам-5 — сам-10 (7,5—15ц с 1 га), в средневековой Франции — сам-2 (Xв.) и сам-3 — сам-4 (нач. XV в.) и в условиях современного капитализма (например, в Норвегии) — сам-20²⁷. Эти данные свидетельствуют, по мнению автора, прежде всего о разной продуктивности "природной машины", а значит, о более весомом вкладе ее в совокупную производительную силу в условиях азиатского способа производства, более скромном — в условиях рабовладения и, наконец, наименьшем — при феодализме.

В результате исследований Ю.А. Васильчука, Л.В. Даниловой, Р.М. Нуреева²⁸ было показано, что развитие производительных сил характеризуется как переход от естественных производительных сил к общественным и от них к всеобщим производительным силам. Каждая форма производительных сил развивается в недрах старой, подготавливая ее отрицание.

В трудах Р.М. Нуреева впервые была осуществлена типологизация производительных сил на основе системного подхода. Согласно его концепции, производительные силы, обусловленные природой, или естественные производительные силы, могут быть сведены к двум основным формам: 1) субъективной, т.е. природе самого человека, его расе, форме естественно возникшей общности (Gemeinwesen) и т.п., и 2) объективной, т.е. естественному богатству (средства жизни и труда). Дальнейшее развитие производительных сил предполагает преодоление субъективной и объективной форм естественных производительных сил в качестве господствующих, подчинение и преобразование их на базе развившихся общественных производительных сил.

Исследование становления общественных производительных сил в докапиталистических антагонистических формах производства, предпринятое Р.М. Нуреевым, представляло комплексный анализ производительных сил и производственных отношений и включало изучение трех взаимосвязанных процессов: во-первых, преодоления субъективной формы естественных производительных сил, т.е. развития общественной природы самого человека, преобразования естественно сложившейся общности в социальную общность и т.д.; во-вторых, преодоления объективной формы естественных производительных сил, т.е. развития системы орудий труда, созданных человеком, повышения их роли в процессе производства и т.д., и, в-третьих, влияния разных форм производственных отношений на развитие производительных сил, выявление экономических причин, способствующих или препятствующих отмиранию ведущей роли естественных и развитию общественных производительных сил.

Развивая выдвинутую К. Марксом в "Экономических рукописях 1857—1859гг." концепцию трех этапов преодоления естественно сложившейся общности, Р.М. Нуреев сделал вывод, что азиатская, античная и германская общины—это не проявление национально-географической специфики, а три стадии преодоления первобытного

коллективизма, последовательно приближающие развитие частного труда и частной собственности²⁹.

Анализируя основные этапы становления системы искусственных (созданных человеком) орудий труда, Р.М. Нуреев особое внимание уделил анализу докапиталистической промышленности, исследованию форм связи ремесла и земледелия, изучению этапов развития противоречия между городом и деревней. Для азиатской формы собственности характерны включенность ремесла в систему внутриобщинного разделения труда, его кастовую организацию, нерасчлененность города и деревни, зависимость развития древневосточной промышленности от потребностей и возможностей сельскохозяйственного производства. В отличие от азиатской при античной форме собственности начинается процесс отделения ремесла от земледелия, города от деревни. Это способствует подъему ремесла и расцвету домашней промышленности. Однако ремесленники в античном мире занимают еще подчиненное, неполноправное положение, а города классической древности являются прежде всего центрами земельных собственников, образуют базис общины землевладельцев. Лишь в эпоху средневековья в Западной Европе завершается процесс отделения ремесла от земледелия, возникают города как центры ремесла и торговли, развивается дифференциация и специализация ремесла, создаются корпорации ремесленников — собственников своих условий производства и существования, начинается экономическая эксплуатация деревни феодальным городом. Производственные отношения формируют общественные производительные силы, и поэтому они сами в определенном смысле являются элементом производительных сил.

В условиях азиатского способа производства в развитии общественных производительных сил было объективно заинтересовано, полагает Р.М. Нуреев, лишь трудящееся население, однако у него не было для этого необходимых средств. Хозяйство непосредственного производителя в рамках этой социальной системы наиболее беспомощно, наименее самостоятельно. Оно зависело от результатов коллективного труда других производителей (ирригация, террасирование склонов и т.п.), от итогов совместной деятельности, которая проходила под контролем эксплуататоров разного рода (разбогатевшей общинной верхушки, местной или центральной администрации, государственных чиновников). Регулирование водоснабжения, установление контроля за распределением и использованием водных ресурсов создавали материальные предпосылки для увеличения зависимости отдельных общинников от государственной бюрократии или местных землевладельцев, в руках которых находилась ирригационная система. Рост огромного числа посредников — чиновников и ростовщиков, вклинивавшихся между непосредственным производителем и верховным собственником земли и присваивавших значительную часть прибавочного продукта, также не стимулировал рост эффективности общественного производства, но лишь увеличивал тяжесть эксплуатации, способствовал обнищанию крестьян и ремесленников. Фактором, препятствующим прогрессу земледелия, являлось и "поголовное рабство" — всеобщая зависимость индивидов от ассоциации эксплуататоров, сплотившихся в государство. Верховное право собственности на землю, рента-налог, общественные работы, фискальные интересы государства препятствовали развитию частной собственности, частной заинтересованности и инициативы в развитии техники и повышению эффективности производства.

Формационный переход от азиатского строя к античному (классические Греция и Рим) происходит, полагает Р.М. Нуреев, на фоне несомненного прогресса производительных сил. Движение вперед выразилось не только и не столько в замене менее совершенных средств производства более совершенными, но и в большей индивидуализации и независимости частного производства, создавших благоприятные условия для подъема его эффективности. Характерно, что прогресс общественных производительных сил связан в античном мире с подъёмом ремесленного производства и упадком парцеллярной земледельческой культуры, с развитием товарного хозяйства в ущерб натуральному, частной собственности за счет государственной³⁰.

Заслугой европейского средневековья является, с точки зрения ряда авторов, процесс "реабилитации человеческого труда"^{*}. Поэтому безусловен факт повышения экономической заинтересованности крепостного крестьянина по сравнению с античным рабом и даже независимым производителем эпохи классического рабовладения, когда труд рассматривался как рабское, недостойное свободное занятие. Если при рабстве внеэкономическое принуждение к труду охватывало производство как необходимого, так и прибавочного продукта, то в условиях барщинной системы хозяйства оно ограничивалось лишь сферой производства прибавочного продукта, а в условиях оброчной системы уже весь продукт производился непосредственным производителем самостоятельно. Внеэкономическое принуждение ограничивается лишь присвоением ренты — уже произведенного прибавочного продукта. По мере развития хозяйственной самостоятельности крестьян увеличивается их заинтересованность в результатах своего труда, повышается эффективность их производства. Новый материальный интерес стал, по мнению авторов, могучим фактором роста производительности труда особенно после падения барщины в Западной Европе. Именно он породил коммунальную революцию, подъем цехового ремесла и тем самым способствовал созданию материальных предпосылок промышленной революции.

Согласно концепции Ю.В. Васильчука, Л.В. Даниловой и Р.М. Нуреева, становление общественных производительных сил в докапиталистическую эпоху связано прежде всего с развитием трудящихся — главной производительной силы общества. Прогрессивный характер этого развития в условиях господства ручного труда выражался, с одной стороны, в уменьшении зависимости хозяйства непосредственных производителей от естественных производительных сил, совершенствовании созданных человеком орудий труда, отделении ремесла от земледелия, города от деревни, с другой — в сокращении сферы внеэкономического принуждения, повышении экономической заинтересованности трудящихся в качестве, количестве и результатах труда, росте производительности их хозяйства.

Повышение совокупной эффективности производства в докапиталистическую эпоху связано с ростом эффективности хозяйства непосредственных производителей. Эксплуататоры выступали прежде всего как потребители прибавочного продукта, оторванные от производства, его хозяйственных потребностей и нужд. Поэтому для докапиталистических форм хозяйствования характерен акцент на эффект, результат. Издержки производства в условиях азиатского, рабовладельческого и феодального способов производства почти не интересовали господствующий класс, и он стремился переложить их на плечи непосредственных производителей — крестьян и ремесленников.

Проделанный Ю.В. Васильчуком, Л.В. Даниловой и Р.М. Нуреевым анализ показал активную роль производственных отношений в историческом развитии человечества, выявил основные пути и формы их влияния на прогресс производительных сил в докапиталистическую эпоху.

Определенное значение в расширении представлений о закономерностях и многообразных факторах развития докапиталистических формаций, истолковании самого подхода к материалистическому пониманию истории, преодолении механического "экономического материализма"¹, игнорирующего по существу роль неэкономических, "надстроечных" факторов в историческом процессе, сыграла дискуссия в 60 — 70-х годах вокруг книги Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Имеется в виду его тезис о двух сторонах материального производства: о производстве самого человека, продолжении рода, и производстве средств к жизни³¹, о диалектике их взаимодействия в рамках первобытного общества. Дискуссия была связана с тем, что в 40—50-х годах издания этой книги сопровождалась специальным примечанием, в котором, в частности, говорилось, что "Энгельс допускает неточность, ставя рядом продолжение рода и

---

^{*} См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 268—295, а также указ. соч. Р.М. Нуреева.

производство средств к жизни в качестве причин, определяющих развитие общества и общественных порядков. В самой же работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Энгельс показывает на анализе конкретного материала, что способ материального производства является главным фактором, обуславливающим развитие общества и общественных порядков³².

Дискуссия³³ подтвердила точку зрения ф. Энгельса о двух сторонах производства и "воспроизводства непосредственной жизни", имеющую методологическое значение не только в связи с анализом первобытнообщинного строя, но и при изучении других общественно-экономических формаций, периодизации всемирно-исторического процесса в целом и особенно для понимания докапиталистических способов производства³⁴.

Современное деление истории первобытного общества на дородовое (первобытное человеческое стадо), родовое (первобытная родовая община) и послеродовое (первобытная соседская община) основано прежде всего на той стороне производства и воспроизводства непосредственной жизни, которая связана с производством самого человека, продолжением рода³⁵. Такая периодизация оказалась предпочтительнее по сравнению не только с моргановской (дикость — варварство — цивилизация), но и с археологической, разделяющей первобытную историю на каменный век (палеолит, мезолит и неолит), медно-каменный (энеолит), бронзовый или железный. С развитием археологии и выходом ее за пределы Европы возникли большие трудности в синхронизации региональных периодизаций. Еще большие трудности возникли в связи с тем, что "из-за различий в природной среде однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем"³⁶. Даже последовательность в смене металлических орудий оказалась различной. Например, у народов Тропической Африки железный век предшествовал бронзовому. Поэтому неудивительно, что комплексная периодизация первобытного строя (предпринятая в 80-х годах А.И. Першицем) также исходит прежде всего из деления этого строя на дородовое, родовое и послеродовое³⁷. Она наглядно свидетельствует об исключительной открытости для творческих поисков диалектического подхода К. Маркса и Ф. Энгельса к производству и воспроизводству непосредственной жизни. В рамках первичной (первобытнообщинной) формации большую роль играли материальные, общественные, но не чисто экономические факторы (производство самого человека, продолжение рода). В результате развития труда в рамках родовых отношений были созданы предпосылки для становления классового общества, для коренного изменения в соотношении двух сторон производства и воспроизводства непосредственной жизни, когда семейный строй уже полностью подчинен отношениям частной собственности.

Глава 19 (с. 381—398)

¹ Козлов Г.А. Первые ступени в развитии товарного производства. М., 1957. С. 83.

² См.: Нуреев Р.М. Проблемы изучения эффективности производств докапиталистических формаций // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1981. №5. С. 20.

³ См.: Блиндер И.Б. К вопросу об основном экономическом законе рабовладельческого строя. М., 1961. С. 17—18.

⁴ Мейман М.Н. Экономический закон движения рабовладельческого способа производства // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 332,333.

⁵ См.: Поршнев Б.Ф. К вопросу об основном экономическом законе феодализма // Вопросы истории. 1953. №6; Мейман М.Н., Сказкин С.Д. Об основном экономическом законе феодальной формации // Там же. 1954. №2; КонИ.С. О действии экономических законов в антагонистических формациях // Там же. № 5; Сюзюмов М.Я. Об основном экономическом законе феодальной формации // Там же. № 7; К вопросу об основном экономическом законе феодальной формации // Там же.

№ 8; Калганов М.В. Об основном экономическом законе феодализма // Там же. № 9; Полянский Ф.Я. Проблема основного экономического закона феодализма // Там же. №10; Хромов Р.П. Об основном экономическом

законе феодализма//Там же. № 11.

⁶ Морозов Ф. Об одном опыте изложения политической экономии феодализма//Вопросы экономики. 1958. № 11. С. 149, 150.

⁷ Полянский Ф.Я. Материал к лекции на тему "Феодальный способ производства". М., 1957. С. 18.

* См. там же. С. 26—30, 42—43.

⁹ См.: Калганов М.В. Собственность: Докапиталистические формации. М., 1962. С. 5—13.

¹⁰ См.: Рачинский Ю.М. К.Маркс и проблема основного производственного отношения натурально-хозяйственных способов производства // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1984. № 2. С. 13; *Он же*. Докапиталистические способы производства и их современные формы. М., 1986.

¹¹ См.: Варга Е.С. Об азиатском способе производства // Варга Е.С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. 1 изд. М., 1975. С. 4—11.

¹² О дискуссии об азиатском способе производства в 60—80-х годах см.: Нуреев Р.М. Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства // Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма. М., 1976. С. 212—218; *Он же*. Проблема "азиатского способа производства" в советской историко-экономической литературе // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1977. №5; Платонов Д.И. Экономические проблемы дискуссии об "азиатском способе производства": Автореф. канд. Дис. М., 1981. С. 14—23.

¹³ См.: Струве В. В. Понятие "азиатский способ производства"//Народы Азии и Африки. 1965. №1; Кишбеков Д.К. Переходные общественные отношения. Алма-Ата, 1973; Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975; Косолапов Р.И. Из истории старого спора // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1987. № 6. С. 64.

¹⁴ Service E.R. Primitive Social Organisation. An Evolutionary Perspective. N.Y., 1962; *Idem*. Culture Evolutionism: Theory in Practice. N.Y., 1971; *Idem*. Origin of the State and Civilisation. N.Y., 1975; Fried M.H. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967; Sahlins M.D. Stone Age Economics. Chicago; N.Y., 1972; Origin of State/Ed. by R.Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978; The Early State / Ed. H.J.M. Claassen and P. Skalnik. The Hague, 1978.

¹⁵ См.: Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству—чифдом)//Народы Азии и Африки. 1980. №1; *Он же*. Феномен власти-собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; *Он же*. Проблемы генезиса китайского государства: Формирование основ социальной структуры и политической администрации. М., 1983; *Он же*. Курс лекций по Древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М., 1984; *Он же*. Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток). М., 1985. С. 27—28; Киселев Г.С. О формационной природе доколониальных обществ Тропической Африки // Народы Азии и Африки. 1986. № 2; Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: протогосударство и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980; *Он же*. Типология ранних форм эксплуатации // Народы Азии и Африки. 1985. № 4; *Он же*. Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы // Там же. 1988. № 2.

¹⁶ Васильев Л.С. Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток). С. 27—28.

¹⁷ Критику концепции Л.С. Васильева Ю.И. Семеновым см.: Семенов Ю.И. Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы. С. 159—162.

¹⁸ См.: Васильев Л.С. Возникновение и формирование китайского государства // Китай: история, культура и историография. М., 1977. С. 7—8.

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. П. С. 354.

20 См.: Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе Древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971; Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978. С. 136—182; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. 1 изд. М., 1975; 2 изд. М., 1977; *Он же*. Феодализм на Востоке или "восточный феодализм"? // Народы Азии и Африки. 1984. № 1; Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 16—27.

21 См.: История древнего мира. Кн. I. М., 1982. С. 30—44.

22 См.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока // Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке: Азиатский способ производства. М., 1966. С. 42—47; Африка:

возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 85—290; *Кобищанов Ю.М.* Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982; *Он же.* Поллюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. Ч. 2. М., 1995. С. 236—293; *Медведев Е.М.* К вопросу о социально-экономическом строе Древней Индии // Народы Азии и Африки. 1966. № 6; *Он же.* Феодалные отношения в Древней и средневековой Индии // Там же. 1970. №3; *Он же.* Рента, налог, собственность: Некоторые проблемы индийского феодализма // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972; Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973. С. 56—95; Узловые проблемы истории Индии. М., 1981. С. 96—117; Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. С. 191—197.

23 См.: *Илюшечкин В.П.* Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970; *Он же.* Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и Нового времени. М., 1971; *Он же.* Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979. С. 5—51; *Он же.* Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. М., 1986; *Он же.* Сословие - классовое общество в истории Китая: Опыт системно-структурного анализа. М., 1986, и др.

²⁴ См.: *Илюшечкин В.П.* Сословие - классовое общество в истории Китая. С. 95, 146—146.

²⁵ *Илюшечкин В.П.* Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. С. 436.

²⁶ О том, что аренда — характерный признак азиатского способа производства, см.: Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства. М., 1979. Гл. 1.

²⁷ См.: *Ну реев Р.М.* Проблемы изучения эффективности производства в докапиталистических формациях // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1981. №5. С. 24; Производительные силы как философская категория: Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 97.

²⁸ См.: *Васильчук Ю.А.* Диалектика производительных сил // Вопросы философии. 1971. № 9; Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981; *Нуреев Р.М.* К. Маркс о становлении общественного характера труда в докапиталистических формах производства // Процесс обобществления производства в различных социально-экономических системах. М., 1974; Производительные силы как философская категория // Вопросы философии. 1981. №9; *Ну реев Р.М.* Проблемы изучения эффективности производства в докапиталистических формациях // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1981. № 5; *Он же.* К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности // Вопросы философии. 1983. № 6; *Он же.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989.

²⁹ См.: Производительные силы как философская категория. С. 97—98; *Ну реев Р.М.* К. Маркс об основных формах производственных отношений и развитии личности; *Он же.* Экономический строй докапиталистических формаций. Гл. 4. § 3. С. 119—132.

³⁰ Подробнее см.: Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства. М., 1979. С. 32—55.

³¹ См.: *Маркс КС, Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 25—26.

³² *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 46 (примеч.).

³³ Подробнее см.: *Латковский В.В.* Выдающееся произведение научного коммунизма // Коммунист. 1959. № 4. С. 73; *Пашков А.И.* Экономические работы В.И. Ленина 90-х годов. М., 1960. С. 192—196; *Власов К.И.* О значении родовых отношений в первобытном обществе // Вопросы философии. 1962. № 11. С. 139—140; *Крапивенский С.Э.* По поводу так называемой ошибки Энгельса // Философские науки. 1963. № 2. С. 104—111; *Панов В.Г.* Что следует понимать под производством и воспроизводством непосредственной жизни общества // Там же. №3. С. 50—57; *Румянцев А.М.* Вступительное слово // Роль женщины в современном обществе. Прага, 1963. С. 13—14; *Попова А.Л.* О роли производства и воспроизводства непосредственной жизни в развитии общества // Вопросы философии и психологии. Л., 1965. Вып. 16. С. 3—14; *Тер-Акопян Н.Б.* К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 67—88; *Плетников Ю.К.* О природе социальной формы движения. М., 1971. С. 205—214; *Бородин Е.Т.* Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества // Философские науки. 1976. №2. С. 43—50; *Васильчук Ю.А.* Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме: Углубление противоречий и проблемы классовой борьбы. М., 1980. С. 50—80; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983. С. 125—138, и др.

³⁴ Подробнее см.: *Ну реев Р.М.* Ф. Энгельс об основах периодизации первобытнообщинного строя // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1984. № 5.

³⁵ Это нашло отражение и в политико-экономической литературе. См.: Курс политической экономии: В 2т./ Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1973. Т. I. Гл. 1; Семенов Ю.И. Первобытнообщинный строй // Экономическая энциклопедия: Политическая экономия. М., 1979. Т. III. С. 213—216.

³⁶ Перш*цА.И., МонгашиА.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. 3 изд. М., 1982. С. 9.

³⁷ См.: История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 25.